

И дивится Степанъ Парамоновичъ:  
 Не встрѣчаетъ его молода жена,  
 Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,  
 А свѣча передъ образомъ еле теплится.  
 И кличетъ онъ старую работницу:  
 «Ты скажи, скажи, Еремѣвна,  
 А куда дѣвалась, затаилася  
 Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?  
 А что дѣтки мои любезныя—  
 Чай забѣгались, заигрались,  
 Спозаранку спать уложились?»

«Господишь ты мой, Степанъ Парамоновичъ!  
 Я скажу тебѣ диво дивное: [вить!  
 Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;  
 Вотъ ужъ пощъ прошелъ съ молодой поппа-  
 Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, [дѣей,  
 А по сю пору твоя хозяйшкa  
 Изъ приходской церкви не вернулася.  
 А что дѣтки твои малыя  
 Почивать не легли, не играть пошли—  
 Плачемъ плачутъ, все не унимаются».

И смутился тогда думой грѣпкою  
 Молодой купецъ Калашниковъ.  
 А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—  
 И на улицѣ ночь темнехонька;  
 Валить бѣлый снѣгъ, разстилается,  
 Заметаетъ слѣдъ человѣческій.  
 Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлоп-  
 Потомъ слышитъ шаги торопливые; [нули,  
 Обернулся, глядитъ—сила крестная!  
 Передъ нимъ стоитъ молода жена,  
 Сама блѣдная, простоволосая,  
 Косы русыя, расплетенныя,  
 Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,  
 Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,  
 Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?  
 На какомъ на дворѣ, на площади,  
 Что растрепаны твои волосы,  
 Что одежда вся твоя изорвана?  
 Ужъ гуляла ты, пиновала ты,  
 Чай, съ сынками все боярскими?..  
 Не на то передъ святыми иконами  
 Мы съ тобой, жена, обручались,  
 Золотыми кольцами мѣнялись!..  
 Какъ запрю я тебя за желѣзныи замогъ,  
 За дубовую дверь огованную,  
 Чтобы свѣту Божьему ты не видѣла,  
 Мое имя честное не порочила...»

И, услышавъ то, Алена Дмитревна  
 Задрожала вся, моя годубушка,  
 Затряслася, какъ листочекъ осиновоый,  
 Горько-горько она восплакалася,  
 Въ ноги мужу повалалася.

«Государь ты мой, красно-солнышко,  
 Иль убей меня, или выслушай!  
 Твои рѣчи—будто острый ножъ;  
 Отъ нихъ сердце разрывается  
 Не боюся смерти лютой,  
 Не боюся я людской молвы,

А боюся твоей немилости.  
 Отъ вечерни я домой шла понесче  
 Вдоль по улицѣ одинешенька.  
 И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;  
 Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.  
 Мои ноженки подросилися,  
 Шелковой фатой я закрылася.  
 И онъ сильно схватилъ меня за руки  
 И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:  
 — Что пугаешься, красная красавица?  
 Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,  
 Я слуга царя, царя грознаго,  
 Прозываюся Кирибѣвичемъ,  
 А изъ славной семьи изъ Малытиной.—  
 Испугалася я пуще прежняго;  
 Закружила моя бѣдная головушка.  
 И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,  
 И цѣлуя, все приговаривалъ:  
 — Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,  
 Моя милая, драгоценная!  
 Хочешь золота, али жемчугу?  
 Хочешь яркихъ камней, али цвѣтной парчи?  
 Какъ царицу, я наряжу тебя,  
 Станутъ всѣ тебѣ завидовать.  
 Лишь не дай мнѣ умереть смертию грѣшною:  
 Полюби меня, обними меня  
 Хотя единый разъ на прощаніе!—  
 И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:  
 На щекахъ моихъ и теперь горятъ,  
 Живымъ пламенемъ разливаются  
 Поцѣлуи его окаянные..  
 А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;  
 Смѣючися, на насъ пальцемъ показывали..  
 Какъ изъ рукъ его я рванулася  
 И домой стремглавъ бѣжать бросилася;  
 И остались въ рукахъ у разбойника  
 Мой узорный платокъ—твой подарочекъ.  
 И фата моя бухарская.

Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,  
 Меня честную, непорочную..  
 И что скажутъ злыя сосѣдушки?  
 И кому на глаза покажусь теперь?  
 Ты не дай мнѣ, свою вѣрную жену,  
 Злымъ охульникамъ въ поруганіе!  
 На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?  
 У кого просить стану помощи?  
 На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:  
 Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,  
 Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,  
 А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,  
 На чужой сторонѣ пропалъ безъ вѣсти,  
 А меньшой мой братъ—дитя малое,  
 Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алѣна Дмитревна;  
 Горючими слезами заливалася.  
 Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ  
 За двумя меньшими братьями;  
 И пришли его два брата, поклонилися,  
 И такое слово ему молвили:  
 «Ты повѣдай намъ, старшій нашъ братъ,